производящей основе. Префиксы отличаются от первых компонентов сложных существительных и полупрефиксов в первую очередь тем, что они не употребляются в современном языке в качестве самостоятельных лексических единиц, то есть являются морфемами в собственном смысле этого слова. При помощи префиксов и полупрефиксов в нашем материале отмечены 69 единиц - 20% сплошной выборки, например: *Extrakumpel*, *Extrawurschtler, Extrawurst*-«одиночка». Остальные 15% составляют сокращения, редупликации: *MOF* (Mensch ohne Freunden)- «человек без друзей», *Doppel-Whopper*- «полный человек».

Проведенное исследование позволяет сделать следующие *выводы*: молодежный жаргон относится к категории групповых жаргонов, представляя собой одну из разновидностей возрастных жаргонов, так как он возникает и существует в силу определенного возрастного и психологического статуса его носителей. Существительные-жаргонизмы были рассмотрены как социолингвистическая проблема. В ходе работы молодежные жаргонизмы были определены как разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группы, объединяющей людей по одному признаку– возрастному. От общенародного языка жаргон отличается специфической лексикой, фразеологией и особым использованием словообразовательных средств. Ведется исследование данной темы по отношению к русскоязычным школьникам. С данной целью проведено анкетирование в школах г.Донецка и по интернету. Целью ставится раскрытие ассоциативного фона у школьников (немецкоязычных и русскоязычных) в процессе наименования лиц их окружения. Кроме того будут рассмотрены основные словообразовательные способы, применяемые при образовании неологизмов в молодежном жаргоне.

Литература

Кропп В. Молодежный жаргон / В.Кропп.- М.,2006 *Розен Е.В.* как появляются слова?: Немецкая лексика: История и современность.-М.: Издательство МАРТ, 2000. *Henne H.* Jugend und ihre Sprache: Darstellung, Materialen, Kritik.-Berlin, New York: De Gruyter, 1986. *PONS*. Wörterbuch der Jugendsprache. Ernst Klett Gmbh, Stuttgart, 2002. *PONS*. Wörterbuch der Jugendsprache // Deutsch-Englisch-Französisch-Spanisch,2005.

КЛЮЧАР М.О.
(Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КАНАДЕ – СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ АНГЛО-УКРАИНСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Вопреки процессам ассимиляции и «вымывания культуры», которые Конгресс украинцев Канады (КУК) констатировал в программном документе по вопросам многокультурности в 2003 году [UCC Multiculturalism Committee 2003], число жителей Канады, которые сохраняют украинскую лингвокультурную лояльность все же достаточно велико. Из 33 143600 человек – население Канады по состоянию на 2007 год – 1,2 миллиона граждан заявили о том, что имеют Украинские корни [Canada's Ethnocultural Mosaic 2006, с. 6].

Несмотря на очевидный интерес к украинской диаспоре в Канаде, социолингвистических исследований, посвященных вопросам англо- или франко-украинского билингвизма в этой стране, очень немного. Чаще всего быт и культура канадских украинцев рассматриваются через призму этнографии или педагогики. Среди исследований контактной межъязыковой связи украинского и английского

языков в Канаде необходимо отметить монографии Ю.А. Жлуктенко [Жлуктенко 1974; Жлуктенко 1964; Жлуктенко 1990], Б.М. Ажнюка [Ажнюк 1999] и С.В. Буджак-Джонс [Буджак 1987; Budzhak-Jones 1998]. Эти авторы чаще всего уделяют внимание интерференции англоязычных элементов в украинскую речь, но не наоборот.

Ю.А. Жлуктенко в монографиях «Українсько-англійські міжмовні відносини» и «Українська мова на лінгвістичній карті Канади» рассматривает помимо прочего и ситуацию обратного влияния (проявления украинских языковых элементов в англоязычной речи канадских украинцев). Однако представленный там анализ сжат и ограничивается упоминанием заимствований на лексическом уровне в основном культурного характера (названия ансамблей, предметов быта или национальных блюд). Несмотря на это, о влиянии украинского языка на английский в речи канадской украинской диаспоры, Ю.А. Жлуктенко отмечает, что украинский субстрат, безусловно, влияет на английский язык в рамках украинской национальной группы, а «масштаб и глубина этого воздействия требуют дополнительных исследований» [Жлуктенко 1964, с. 165].

Таким образом, можно утверждать, что проблема влияния украинского языка на английский в условиях англо-украинского билингвизма части населения Канады долгое время оставалась вне внимания лингвистов и социолингвистов.

Тем временем, языковой сдвиг в канадско-украинском языковом сообществе происходит достаточно быстро. Вопреки усилиям активистов общественных организаций и объединений и внешне благоприятной политике многокультурности, которую декларирует правительство Канады, а также высокому индикатору лингвокультурной лояльности, украинское сообщество в Канаде в условиях ограниченного притока новых украино-язычных иммигрантов с материка медленно переходит от билингвизма функционального к билингвизму этнокультурному [Ажнюк 1999, с. 28]. Это означает, что декларируемое знание украинского языка на практике может заключаться во владении ограниченным набором «культурных текстов» (песен, молитв, пословиц). Возможна ситуация, когда украинский язык остается лишь символом, показателем связи с данной культурой, и языковая лояльность здесь объясняется одной из важных функций языка - его использованием в качестве средства «контрастивного самосознания». Даже для тех, кто относится к третьему и последующим поколениям иммиграции и уже не говорит по-украински, сам язык служит эмоциональным «связующим звеном между национальностью и ее аутентичностью» [Вахтин 2004, с. 40]. Основным же языком общения все больше становится английский.

А.Д. Петренко в своей статье «Социальная стратификация языка и проблемы социофонетической вариативности» отмечал, что актуальность современных социолингвистических исследований во многом продиктована как развитием общества, так и конкретными социальными условиями, стимулирующими исследование тех или иных областей [Петренко 2001, с. 44].

Можно с уверенностью заявить, что есть необходимость исследования влияния украинского языка на англоязычную речь канадских украинцев. Существует несколько социальных предпосылок для проведения данного исследования, и здесь приведем только некоторые из них.

1) Количественный и качественный состав той группы, которая обобщенно называется канадскими украинцами[1], не статичен. По состоянию на 2006 год

[1] Возможно, здесь даже правильнее говорить не о канадских украинцах (Canadian Ukrainians), но о канадцах украинского происхождения (Canadians of Ukrainian origin), поскольку последний термин включает в себя не только тех, у кого оба родителя являются этническими украинцами, но и тех, кто рожден в смешанном браке или имеет украинские корни по линии одного из родителей.

(последняя перепись населения в Канаде) более миллиона человек упомянули в ходе переписи об украинских корнях. Смешанные браки приводят к тому, что все больше канадцев украинского происхождения заявляют о наличии нескольких этнических корней. Так, например, в 2006 году 75% украинских канадцев отметили, что имеют и другие этнические корни [UCC Multiculturalism Committee 2003, с. 10]. Эти данные говорят о нарастающей разнородности группы канадцев украинского происхождения, что предположительно может вести к уменьшающейся роли украинского языка (в ситуации, когда в смешанном браке родители выбирают какому языку обучать детей) и его восприятии исключительно в качестве символа (вышеупомянутый культурный билингвизм). Наряду с этим, многие представители украинской диаспоры в Канаде, происходя из смешанных семей и являясь представителями второго или третьего поколения иммиграции, уделяют большое внимание тому, чтобы их дети знали украинский язык хотя бы на базовом уровне. Это, в частности, объясняет высокую лингвокультурную жизнеспособность украинской диаспоры – «механизм лингвокультурной «канадизации» этнических групп не является таким уж автоматическим и бессознательным» [Жлуктенко 1990, с. 3].

При отсутствии постоянного притока иммиграции в диаспору существует больше шансов того, что языковой сдвиг произойдет быстро. Рассмотрев данные о притоке иммигрантов с Украины[2] в Канаду с 1981 по 2007 год можно увидеть, что до обретения Украиной независимости в графе «количество прибывших на постоянное место жительства» нет ни одного человека, тогда как с 1991 года число прибывших возрастает и остается не ниже 2 400 человек в год [Report on the Demographic Situation 2006, с. 60].

Страна рождения	1981	1986	1991	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Украина	0	0	28	2,668	2,651	2,766	2,837	3,575	4,015	3,967	3,219	2,975	2,920	2,488	2,688

Подобный приток с материка – 64 769 человек в период с 1996 по 2006 годы – не может гарантировать жизнеспособности языка в преимущественно англо- или франкоязычном окружении и сохранения украинской культурной идентичности в Канаде на неизменно высоком уровне.

Кроме того, меняется суть иммиграции. Нынешняя «четвертая волна» состоит преимущественно из экономических мигрантов или людей, приезжающих в страну по программе «воссоединения семей», и коренным образом отличается от третьей волны иммиграции украинцев, которая была более идеологически сплочена и сумела создать мощные антиассимиляционные структуры, способствуя единству украинского сообщества в Канаде, сберегая язык и культуру и уделяя серьезное внимание сохранению культурной самобытности диаспоры. Нынешняя иммиграция из Украины в Канаду чем-то напоминает первую и вторую волны трудовой иммиграции, когда успешность в стране поселения напрямую зависела от того, насколько быстро сами иммигранты и их дети станут «настоящими канадцами» (неотличимыми от англо-канадцев) под влиянием ассимиляционной политики государства [Baker 1995, с. 41]. «Эмоциональная поглощенность национальным наследием, которая характерна для более ранних поколений и которую они частично передали своим детям и внукам – отмечает Б.М. Ажнюк – не характерна для секуляризованных и урбанистически-

[2] В ходе переписи населения собирались данные о том, в какой стране родился иммигрант, и каким было его последнее постоянное гражданство. Недостаток данных заключается в том, что факт рождения на территории Украины не означает принадлежности к украинской этнической группе – среди этих людей могут быть представители любых этносов, рожденные на территории Украины, что в свою очередь не всегда означает владение украинским языком и принятие украинской культуры.

современных новых иммигрантов. Для них не характерен драматизм прошлого противостояния между желанием достигнуть социального успеха и, одновременно, не утратить своей души» [Ажнюк 1999, с. 27].

2) Очевидно, что государства, в которых существует не один язык, стоят перед куда более сложными проблемами, чем одноязычные страны. «Многоязычные государства нуждаются в объединяющей идее, в общей идентичности. Они могут попытаться создать эту идентичность не на языковой основе (а, к примеру, на основе религии), однако без участия языка это часто бывает проблематично» [Вахтин 2004, с. 40].

В Канаде, начиная с 1971 года, провозглашалась политика многокультурности, девизом которой стало «Unity in Diversity» (единство в многообразии). Безусловно, она более благоприятна для развития культурного наследия меньшинств в сравнении с политикой «плавильного котла», широко популяризуемой в США на протяжении двадцатого века и предусматривающей стирание этнических и религиозных различий для создания единой американской нации. Тем не менее, в последнее время недовольство реализацией политики многокультурности, формально уравнявшей ценность культур и языков, составляющих единую ткань канадского общества, потребовало реакции со стороны правительства. Таким образом, в 1996 году в ходе стратегического пересмотра политики многокультурности в ход ее реализации были внесены определенные изменения, которые, в частности, способствовали ослаблению поддержки «традиционных групп иммиграции» (таких, как немцы, итальянцы, голландцы, украинцы и поляки) и переносили акцент на группы вновь прибывших в страну. Такой пересмотр политики позволяет некоторым исследователям заявлять, что общая тенденция к ассимиляции остается актуальной, а «институциональная дискриминация меньшинств продолжает существовать, хотя и в менее открытой форме, чем раньше» [Cummings 1990, с. 21].

Б.М. Ажнюк, например, говорит о том, что «представители национальных обществ считают политику многокультурности двуликой, поскольку признавая и пропагандируя поверхностные проявления этничности (например, национальную кухню, праздники, обычаи), она отвлекает внимание от утонченных и, одновременно, сильных форм институционального расизма» [Ажнюк 1999, с. 19].

В подобных условиях украинская диаспора в Канаде отреагировала на изменение государственной политики программным заявлением, сделанным 8 ноября 2003 года Конгрессом украинцев Канады (КУК) [UCC Multiculturalism Committee 2003], где среди прочих требований содержался призыв к большей поддержке языка и культуры украинцев Канады. Данный вопрос вызвал живую дискуссию и в появившейся в 2006 году монографии Э. Вудса рассматривается подробно [Woods 2006].

Проблема реализации политики многокультурности в данном контексте важна постольку, поскольку существует два противоположных мнения, влияющих на языковую ситуацию в рамках канадско-украинского микросоциума: мнение языкового (преимущественно англоязычного) большинства и точка зрения организации, представляющей интересы украинской диаспоры в стране поселения. Выбор в пользу той или иной позиции будет играть решающую роль в сдвиге языкового баланса в паре «английский – украинский» языки. Для рассмотрения проблемы влияния украинского языка на английский в рамках украинской диаспоры этот вопрос приобретает важное значение, поскольку на сегодняшний день все больше канадских украинцев переходят на исключительное использование английского, сохраняя, в лучшем случае, навык бытового общения на украинском языке.

3) Несмотря на пессимистические прогнозы, изложенные в программном документе КУК по вопросам многокультурности, а также изменившуюся политику в отношении поддержки украинских культурно-языковых институтов, можно предположить, что современная языковая ситуация на Украине положительно повлияет на сохранение украинского языка и культуры в Канаде, усиливая тем самым влияние украинского субстрата на английскую речь канадских украинцев. Украинская диаспора в Канаде долгое время считала своей обязанностью сохранять и развивать родной язык, поскольку на родине он подвергался дискриминации. После политических событий 2004 года, которые нашли широкую поддержку украинской иммиграции, направление языковой политики в Украине изменилось и продолжает активно реформироваться на данный момент. Многие канадцы украинского происхождения положительно восприняли происходящие изменения и, по их собственному признанию, получили еще одну мотивацию для того, чтобы возобновить использование украинского языка или начать обучение своих детей украинскому языку хотя бы в рамках базового им владения.

Не останавливаясь на иных социальных и психологических факторах, влияющих на состояние языковой ситуации в диаспоре, можно сказать, что основными движущими силами, влияющими на скорость языкового сдвига, являются «унаследованное этнолингвистическое сознание, привезенное с исторической родины, и языковая политика в стране поселения» [Ажнюк 1999, с. 42]. Учитывая все вышесказанное, на данный момент можно констатировать постепенный переход от функционального англо-украинского билингвизма к культурному, с одной стороны, и определенный всплеск интереса к украинскому языку в связи с современной ситуацией на Украине, с другой.

Многие канадцы украинского происхождения сохранили определенные навыки украинского языка и, согласно мнению Ю.А. Жлуктенко, пользуясь английским языком в своей среде, часто вкрапляют в свою речь лексические украинизмы [Жлуктенко 1964, с. 155]. Расширив этот тезис, можно предположить, что в неформальной беседе с человеком, владеющим как английским, так и украинским языками, в английской речи канадских украинцев можно будет проследить явления языковой интерференции не только на лексическом [Буджак 1987], но и на фонологическом, морфологическом и даже грамматическом уровнях.

Безусловно, такие особенности английской речи канадцев украинского происхождения будут наблюдаться с большей долей вероятности в непринужденной ситуации общения, в разговоре об Украине или в воспоминаниях о ней (если интервьюируемый – представитель первого поколения иммиграции). Тем не менее, для поддержания или опровержения данного тезиса требуется анализ корпуса данных, собранных и проанализированных в соответствии с принятыми социолингвистическими методиками. Таким образом, при практически полном отсутствии социолингвистических работ по данной тематике, этот вопрос требует внимания исследователей.

Литература

Ажнюк Б.М. Еволюція української мови в діаспорі (етно- і соціолінгвістичні аспекти) / Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук. – Київ, 1999. – 396 с. *Буджак С.В.* Лексическая интерференция в англо-украинском двуязычии Канады. - М: ИНИОН, 1987. – 48 с. *Вахтин Н.Б., Головко Е.В.* Социлингвистика и социология языка. – СПб, 2004. – 336 с. *Жлуктенко Ю.А.* Лингвистические аспекты двуязычия. – К: Вища школа, 1974. – 177 с. *Жлуктенко Ю.О.* Українсько-англійські міжмовні відносини. Українська мова у США і Канаді. – К: Видавництво Київського університету, 1964. – 167 с. *Жлуктенко Ю.О.* Українська мова на лінгвістичній карті Канади. – К: Наук. Думка, 1990. –

176 с. *Петренко А.Д.* Социальная стратификация языка и проблемы социофонетической вариативности // Культура народов причерноморья. – 2001. №19. – с. 44-51 *Baker C.* Foundations of Bilingual Eduaction and Bilingualism. – Clevedon; Philadelphia; Adelaide: Multilingual Matters Ltd, 1995. – 266 p. *Budzhak-Jones S.* Single-word Incorporations in Ukrainian-English Bilingual Discourse: Little Things Mean a Lot. – Ottawa: University of Ottawa, 1998. – 256 p. Canada's Ethnocultural Mosaic, 2006 Census. http://www12.statcan.ca/english/census06/analysis/ethnicorigin/pdf/97-562-XIE2006001.pdf, дата последнего посещения – 1 октября 2008. *Cummings J., Danesi M.* Heritage Languages. The Development and Denial of Canada's Linguistic resources. – Montreal, 1990. – 133 p. Report on the Demographic Situation in Canada 2005 and 2006. http://www.stscan.ca/english/freepub/91-209-XIE/91-209-XIE2004000.pdf, дата последнего посещения – 23 сентября 2008. UCC Multiculturalism Committee, Canadian Multiculturalism: The Law, the Reality and our Place. Online. UCC homepage. http://www.ucc.ca/Section_5/PDF/Canadian_Multiculturalism.pdf, дата последнего посещения 15 сент. 2008. *Woods E.* Multiculturalism and identity in Canada: a Case-study of Ukrainian-Canadians. – University of Saskatchewan, Saskatoon, 2006. – 86 p.

КУЗЬКО П.В.
(*Запорожский нац. ун-т*)

НЕМЕЦКИЕ СОЦИОЛЕКТЫ, ИХ ОСОБЕННОСТИ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на примере весенних праздников)

Неразрывная связь и взаимная зависимость языка и культуры в последние годы настолько часто стоят в центре дискуссий, что, пожалуй, не требуют особых доказательств. Проблема, тем не менее, не утратила актуальности.

Социокультурный компонент уже давно стал неотъемлемой частью семантической структуры слова, как и экстралингвистическая обусловленность языковых явлений в целом. Социальное направление трактовки термина «обиходно-разговорный язык» («*Umgangssprache*») основывается на оппозиции данного понятия понятиям «литературный стандарт» («*Standarddeutsch*», «*Hochdeutsch*»). Под *Umgangssprache* понимается в данном случае языковое образование, которое не входит в сферу литературного стандарта (*Standardsprache*) и представляет собой «субстандартные элементы с собственными системными признаками» [Кузько 2008, с. 73].

Цель данной статьи – изучение континуума немецких социолектов, рассмотрение их особенностей модификации и семантической трансформации в диалектной картине мира, а также меры и степени обогащения немецкой речевой культуры за счет разговорной лексики.

Поставленная цель определяет следующий круг **задач**:

1) изучить причины и пути возникновения немецких диалектов в контексте культурно-исторических и социальных факторов;

2) выявить состав розговорной лексики, предложить интерпретацию ее культурно-исторической значимости в системе литературного языка;

3) определить закономерности фонетико-морфологической и других модификаций немецких диалектов;

4) сопоставить смысловое содержание региональной лексики.

Объектом исследования стала региональная лексика конца XIX начала XX вв.

Предметом исследования являются лексические единицы весенних праздников в диалектной картине мира немецкого языка в графическом оформлении.